

УДК 34.08

Пухова Мария Михайловна

магистр права
Национальный исследовательский университет
"Высшая школа экономики"
Москва, Россия
puhova@bbp.ru

Mariia M. Pukhova

Master of Law
National Research University
"High School Of Economics"
Moscow, Russia

**ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ И КРИТИКА
ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ СУДЕБНОГО
ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В РОССИИ**

**POSITIVE ASPECTS AND CRITIQUE OF
PROFESSIONALIZATION OF JUDICIAL
REPRESENTATION IN RUSSIA**

Аннотация

В статье освещены доводы сторонников и противников профессионализации судебного представительства в России и отражена авторская позиция по рассматриваемому вопросу. Сделан вывод о значимости профессионального судебного представительства, обеспечения через него гарантии права на получение квалифицированной юридической помощи, реализации основополагающих процессуальных прав участников судебного разбирательства, эффективности судебной системы.

Ключевые слова:

правовая дискуссия, профессиональное
судебное представительство, судебная система

Abstract

This article highlights the arguments of supporters and opponents of the professionalization of judicial representation in Russia and reflects the author's position on the issue. The author comes to the conclusion about the importance of professional judicial representation, ensuring through it the guarantee of the right to receive qualified legal assistance, the implementation of the fundamental procedural rights of the participants in the trial, the effectiveness of the judicial system.

Keywords:

professional legal representation, legal discussion,
judicial system

Единого мнения среди российских ученых касательно целесообразности профессионализации судебного представительства в России, а также о пути его достижения на сегодняшний день нет. Мы постараемся рассмотреть основные доводы «за» и «против» профессионализации судебного представительства и отобразить личную позицию автора по данному вопросу.

Прежде всего отметим, что понятие «профессионального судебного представительства» в российском законодательстве в настоящий момент не закреплено, равно как отсутствует его единое определение и в юридической доктрине.

В настоящей работе мы исходим из понимания профессионального судебного представительства как допуска к представительству в суде только лиц, соответствующих определенным установленным законодателем профессиональным требованиям и критериям, направленным на обеспечение определенного уровня их профессиональных знаний и компетенции.

Соответствующее понимание профессионального представительства можно вывести из значительного количества научных работ, хоть и не определяющих напрямую понятие «профессионального судебного представительства», но из содержания которых следует, что профессиональным судебным представителем является лицо, отвечающее определенным установленным в законе требованиям. Соответствие этим требованиям является необходимым условием для допуска лица в судебное заседание в качестве представителя [5, 13]. Сущность данных требований, как правило, заключается в необходимости соответствия знаний, квалификации, опыта представителя определенным критериям.

В связи с указанным, профессионализация судебного представительства, как процесс, означает реформирование законодательства путем установления определенных профессиональных требований для лиц, осуществляющих судебное представительство.

Основная дискуссия о целесообразности профессионализации судебного представительства в российской доктрине, а также среди российского юридического сообщества имела место при внесении на рассмотрение в 2018 году законопроекта Верховного Суда РФ № 383208-7 [17], устанавливающего в качестве обязательного требования для представителей в арбитражных судах и в судах общей юрисдикции с уровня верховных судов субъектов наличие высшего юридического образования или ученой степени по юридической специальности.

В соответствии с п. 2 пояснительной записки к указанному законопроекту, введение определенных профессиональных цензов для судебных представителей было обусловлено целью гарантированности прав на квалифицированную юридическую помощь и повышения ее качества.

В целом аналогичное обоснование предлагаемых изменений именно через обеспечение квалифицированной юридической помощи присутствовало также и в законопроекте П.В. Крашенинникова [18], и в разработанной Министерством юстиций РФ Концепции «Юстиция» [19].

Действительно, согласно ч. 1 ст. 48 Конституции РФ, каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи.

Полагаем, что ч. 1 ст. 48 Конституции РФ является основным и ключевым аргументом в пользу профессионализации судебного представительства в России ввиду следующего:

Определение квалифицированной юридической помощи в законодательстве не закреплено, единое понимание его содержания в юридической доктрине на сегодняшний день также отсутствует, на что неоднократно обращали внимание различные ученые (Н.В. Альбрант, Н.С. Амельков, В.Л. Кудрявцев, Г.М. Резник) [4, с. 10-11].

Однако достаточно распространено определение квалифицированной юридической помощи через специальный статус субъекта, оказывающего соответствующую помощь.

Сторонники указанной позиции, как правило, отождествляют деятельность по оказанию квалифицированной юридической помощи с адвокатской деятельностью или с деятельностью нотариуса, то есть с деятельностью определенных субъектов, чей статус и полномочия на осуществление такой помощи регламентированы законодательно [2, 10].

Такой «субъектный» подход представляется нам чрезмерно узким и не соответствующим современным реалиям, поскольку функции адвокатов и иных представителей в рамках судебного процесса зачастую являются практически идентичными (за исключением, безусловно, уголовного процесса). При этом вывод о невозможности лиц, не обладающих адвокатским статусом, оказывать квалифицированную юридическую помощь, был бы, по нашему мнению, необоснованным.

Обозначение квалифицированной юридической помощи исключительно через наличие у лица адвокатского статуса будет являться не вполне справедливым и полным также по той причине, что исключает из этого понятия само содержание соответствующей юридической помощи, то есть не принимает во внимание ее качественный критерий. При этом исходить из того, что квалифицированная юридическая помощь не обязательно должна быть качественной, на наш взгляд, было бы ошибочным.

В связи с этим, считаем более справедливым подход, согласно которому квалифицированная юридическая помощь определяется не только через наличие у субъекта, ее оказывающего, специального статуса, но и через качество или содержание соответствующей помощи.

Так, А.В. Закомолдина указывает, что квалифицированная юридическая помощь – это деятельность именно профессиональных юристов [6, с. 5]. С.К. Зайганова также

отмечает, что квалифицированная юридическая помощь оказывается профессиональными субъектами, оказывающими юридическую помощь, и возможна только при качественном осуществлении указанными субъектами своей деятельности [1].

По мнению автора данной работы, необходимым и первичным элементом квалифицированной юридической помощи является именно ее качество, для обеспечения которой законодатель устанавливает определенные требования к лицам, ее оказывающим. Соответствие лица указанным требованиям порождает наличие у него специального статуса.

В подтверждение указанного отметим, что согласно позиции Конституционного Суда РФ, обеспечивая гарантии на получение квалифицированной юридической помощи, государство должно «установить с этой целью определенные профессиональные и иные квалификационные требования и критерии» [20].

С учетом изложенного, считаем, что под квалифицированной юридической помощью следует понимать юридическую помощь, оказываемую на профессиональной основе лицами, соответствующими установленным законодателем требованиям, соблюдение которых гарантирует оказание ими качественной юридической помощи.

Таким образом, профессиональное судебное представительство, как представительство, осуществляемое лицами, соответствующими определенным профессиональным требованиям, и обеспечение квалифицированной юридической помощи, как установление соответствующих требований к представителям, являются неразрывными, взаимодополняемыми элементами.

О непосредственной взаимосвязи института представительства и права на квалифицированную юридическую помощь свидетельствует и позиция Конституционного Суда РФ, выраженная в Постановлении от 16.07.2004 N 15-П, согласно которой институт судебного представительства определен как обеспечивающий заинтересованному лицу получение квалифицированной юридической помощи в соответствии с ч. 1 ст. 48 Конституции РФ [21].

Указанная взаимосвязь профессионального судебного представительства и обеспечения права на квалифицированную юридическую помощь отражается и в научной литературе.

Так, в частности, отмечается, что профессионализация судебного представительства направлена на повышение качества квалифицированной

юридической помощи, гарантированной ст. 48 Конституции РФ [7, с. 19]. Также указывается, что эффективность оказания квалифицированной юридической помощи напрямую зависит от профессионализма лица, ее оказывающего [8, с. 70].

Таким образом, **гарантией прав граждан на квалифицированную юридическую помощь, установленной ч. 1 ст. 48 Конституции РФ, является профессиональное судебное представительство.** В отсутствие профессионального судебного представительства утверждать о гарантированности права на квалифицированную юридическую помощь, по нашему мнению, не представляется возможным.

Противники профессионализации судебного представительства отмечают, что ч. 1 ст. 48 Конституции РФ прежде всего касается уголовного судопроизводства. Такая позиция, в частности, высказывалась в Коллективном правовом заключении на обозначенный ранее законопроект ВС РФ [9, с. 261].

Полагаем, что указанный аргумент является не вполне состоятельным и не вытекает ни из правоприменительной практики, ни из положений законодательства. Часть 1 ст. 48 Конституции РФ распространяется на все виды судопроизводств, а не только на уголовное. Сделать обратный вывод из действующего законодательства не представляется возможным.

Еще один аргумент противников профессионального судебного представительства заключается в том, что ч. 1 ст. 48 Конституции РФ означает право, а не обязанность сторон пользоваться услугами представителя профессионала. Установление законодателем каких-либо ограничений для договорных представителей недопустимо. В обоснование этой позиции, как правило, ее сторонники ссылаются на Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2004 N 15-П [21]. В частности, такая аргументация содержится в работах О.Ю. Фоминой и О.П. Чистякова [9, с. 292].

Вместе с тем, обоснование данной позиции через названное Постановление считаем ошибочным и несостоятельным.

В указанном Постановлении Конституционного Суда РФ рассматривался вопрос о конституционности ч. 5 ст. 59 АПК РФ в ее первоначальной редакции, ограничивающей круг представителей организации только ее руководителем, штатными работниками и адвокатами.

Действительно, указанное положение было признано неконституционным, но не в связи с недопустимостью ограничений договорного представительства, а ввиду того, что соответствующие ограничения для представителей были предусмотрены только в арбитражном судопроизводстве и только для организаций. При этом граждане, индивидуальные предприниматели могли пользоваться услугами любого представителя, в том числе и не обладающего адвокатским статусом.

Так, в частности, Конституционный Суд РФ указал: «Это означает, что в данном случае законодатель избрал критерием для ограничения допуска к участию в качестве представителей в арбитражном процессе не квалификационные требования, связанные с качеством юридической помощи и необходимостью защиты соответствующих публичных интересов, а лишь организационно-правовую форму, в которой выступает участник судопроизводства, нуждающийся в юридической помощи».

В связи с этим, вывод о том, что в указанном Постановлении Конституционный Суд РФ фактически установил запрет на установление требований к договорным представителям не состоятелен и является ошибочным.

Напротив, в рассматриваемом Постановлении Конституционного Суда РФ подтверждалось право законодателя вводить определенные ограничения для судебных представителей, указывалось на отсутствие безусловного права на выбор в качестве представителя любого лица.

Помимо этого, отметим, что сам факт обращения лица за помощью к представителю свидетельствует о его потребности в квалифицированной юридической помощи и, следовательно, порождает обязанность государства гарантировать ее на основании ч. 1 ст. 48 Конституции РФ. В отсутствие такой потребности не было бы и обращения за помощью в ведении дела.

При этом человек, обращающийся за такой помощью, очевидно рассчитывает, что если лицо соглашается принять поручение на ведение дела и принимает за это определенную оплату, то у него имеется необходимая квалификация для оказания качественной юридической помощи. Однако самостоятельно проверить уровень профессионализма лица, которому поручается вести судебное дело, простому гражданину может быть крайне затруднительно, если не невозможно.

Вместе с тем, в отсутствие профессионального судебного представительства и свободного допуска в процесс любого представителя вне зависимости от наличия у

него необходимой квалификации, гражданин может быть введен в заблуждение недобросовестным представителем касательно достаточности его компетенции для осуществления эффективной и грамотной судебной защиты. Последствия этой ошибки могут быть критичны и непоправимы.

Задача государства, вытекающая из ч. 1 ст. 48 Конституции РФ, по нашему мнению, заключается в том, чтобы создать гарантии для человека, обращающегося за юридической помощью, того, что такая помощь действительно будет квалифицированной, то есть оказываемой профессионалами.

Для создания соответствующих гарантий и существует институт профессионального судебного представительства, предусматривающий, что допуск к судебному заседанию в качестве представителя возможен только для лиц, обладающих необходимой компетенцией для защиты прав и свобод своих доверителей.

Таким образом, полагаем, что профессионализация судебного представительства путем установления определенных критериев и требований к представителям является не только правом законодателя, но и обязанностью государства, вытекающей из необходимости гарантировать право на квалифицированную юридическую помощь каждому заинтересованному лицу. При этом о заинтересованности лица в квалифицированной юридической помощи свидетельствует сам факт обращения к третьему лицу для представительства его интересов в суде.

Противники профессионализации судебного представительства отмечают также такой негативный аспект, как ограничение доступа к суду. Такое ограничение, в частности, заключается в том, что определенный слой граждан, уровень дохода которых не позволяет воспользоваться услугами профессиональных судебных представителей, будет лишен возможности осуществлять ведение дела через менее дорогостоящих и доступных для них представителей – не профессионалов. В качестве примеров таких непрофессиональных представителей, в частности, обозначают друзей, соседей или знакомых, имеющих опыт судебного представительства [9, 16, 22]. По мнению сторонников указанной позиции, лицо, не способное оплатить услуги представителя – профессионала и не имеющие возможности лично явиться в суд для участия в заседании, окажется в ситуации невозможности защиты своих прав в судебном процессе и будет лишено судебной защиты.

В опровержение этого довода отметим, что в Российской Федерации действует механизм бесплатной юридической помощи, установленный и регулируемый Федеральным законом от 21.11.2011 N 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации». В связи с этим, отсутствие денежных средств для оплаты профессионального представителя не лишает лица возможности прибегнуть к бесплатной юридической помощи.

Также в научной литературе высказывается позиция, согласно которой при повышении стоимости юридических услуг ввиду профессионализации судебного представительства более предпочтительными станут альтернативные и менее дорогостоящие способы разрешения конфликтов, такие как досудебное урегулирование споров, медиация, разбирательство в третейских судах. В таком случае нагрузка на суды, вероятно, снизится, что будет иметь положительный эффект для функционирования судебной системы в целом [14, с. 63].

Фактически противники профессионального судебного представительства исходят из недопустимости ограничения прав граждан на обращение к непрофессиональному судебному представителю.

Между тем, существование на рынке юридических услуг непрофессиональных представителей представляется нам в принципе недопустимым, поскольку оказываемая ими «юридическая помощь» только ограничивает право граждан на судебную защиту, препятствует обеспечению равенства и состязательности в процессе, влечет за собой скорее негативные последствия и даже может стать причиной отказа судом в удовлетворении обоснованных исковых требований.

Отсутствие у гражданина достаточных денежных средств для оплаты профессионального судебного представительства не может являться оправданием для допуска в процесс непрофессионального представителя, как не может, к примеру, являться основанием допустимости при отсутствии денежных средств для оплаты квалифицированного врача прохождения лечения у человека, не имеющего должной компетенции в медицине.

Также следует учитывать, что назначение судебного представительства и квалифицированной юридической помощи заключается в обеспечении таких основополагающих процессуальных принципов как равенство и состязательность сторон. Наличие профессионального судебного представителя у обеих сторон позволяет обеспечить фактическое равенство процессуальных прав участников спора.

Так, Е.В. Васьковский справедливо отмечал, что принцип состязательности может быть полезен и целесообразен только при том условии, что обе тяжущиеся стороны являются равносильными, одинаково подготовленными и умелыми противниками; но если стороны не равносильны, то принцип состязательности приведет лишь к торжеству сильного над слабым, а это противно справедливости [3, с. 364].

Действительное обеспечение состязательности и равенства при ведении дела через представителей возможно только при обладании этими представителями должной компетенцией, необходимым объемом знаний и навыков для осуществления судебного представительства.

Вместе с тем, считаем заслуживающим довод противников профессионального судебного представительства касательно вытекающей из этого невозможности участия в процессе лиц, обладающих специальными знаниями в определенной узкой сфере и не соответствующие определенным профессиональным критериям судебного представителя [9, 16].

А.А. Соловьев отмечал, что «с учетом личного опыта рассмотрения дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений, можем сказать, что, например, при рассмотрении налоговых споров адвокаты и сотрудники юридических компаний по уровню профессиональной подготовки зачастую существенно уступают специалистам в финансовой сфере. Весьма компетентны работники организаций, которые занимаются финансовым аудитом, имеющие высшее экономическое, а не юридическое образование» [15, с. 101].

О.Ю. Фомина также писала, что зачастую для того, чтобы выиграть дело, одних только знаний в сфере юриспруденции недостаточно, а добивается успеха тот представитель, который является специалистом в той или иной области спорных правоотношений (в сфере медицины, техники, экологии, электроэнергетики и др.) [16, с. 97].

Действительно по ряду категорий споров, преимущественно связанных со сложной спецификой определенного вида правоотношений, для полноценного представления позиции стороны от представителя требуется наличие специальных знаний (налоговые споры, споры, связанные с защитой интеллектуальных прав, земельные споры и пр.). Соответствующие знания у профессионального судебного представителя, деятельность которого преимущественно заключается именно в

оказании гражданам помощи в судах по разнообразным категориям дел, могут отсутствовать или быть не столь значительными и глубокими как у специалиста.

Ограничение такого специалиста представлять интересы в суде будет не соответствовать цели профессионального судебного представительства, заключающейся в наиболее полноценной и эффективной защите представляемого лица в процессе, обеспечении равенства и состязательности.

В связи с этим, полагаем, что вне зависимости от степени профессионализации судебного представительства, участие таких специалистов должно быть допустимым. Однако следует учитывать, что любое судебное разбирательство сопряжено, прежде всего, с применением процессуального законодательства. Обладание специальными знаниями не отменяет обязанности представителя по эффективной реализации именно процессуальных прав доверителя и не может нивелировать негативные последствия его ненадлежащего применения.

Данная проблема уже была предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ в 2020 году [23].

В рассматриваемом деле перед Конституционным Судом РФ встал вопрос о том, допустимо ли одновременное участие по одному и тому же арбитражному делу совместно с профессиональным представителем представителя, не соответствующего установленным в законе критериям, но вовлеченного в процесс корпоративного управления (учредитель, участник, работник соответствующего юридического лица).

Конституционный Суд РФ встал на сторону заявителей и пришел к выводу о конституционности оспариваемого положения, как не устанавливающего запрет на участие представителя, не соответствующего профессиональным критериям, но обладающим специальными познаниями, если одновременно с ним интересы организации защищает профессиональный судебный представитель.

Считаем приведенную позицию Конституционного Суда РФ справедливой и соответствующей задачам правосудия. Участие в качестве представителя лица, обладающего специальными знаниями в определенной сфере, не может иметь негативного эффекта для обеспечения прав представляемого в той ситуации, когда в процессе есть профессиональный судебный представитель, способный восполнить недостающие специалисту знания положений процессуального законодательства.

В продолжение критики профессионального судебного представительства некоторые ученые отмечают, что достаточно активная роль суда в процессе,

предусмотренная статьями 56 ГПК РФ, 65 АПК РФ обязанность суда самостоятельно определять обстоятельства, подлежащие доказыванию, позволяет участвовать в судебном процессе лицам, не имеющим необходимой компетенции [16, с. 262].

Безусловно, отсутствие у лица профессионального судебного представителя не является основанием для отказа в рассмотрении исковых требований и проведении процесса. Вместе с тем профессиональный судебный представитель способен значительно «упростить» для суда разрешение спора, повысить эффективность и оперативность судебного разбирательства.

Об этом значении профессионального судебного представительства говорилось как в пояснительных записках к упомянутым законопроектам, так и в научной литературе.

Л.А. Прокудина, рассуждая о целесообразности введения профессионального судебного представительства в арбитражном процессе, в частности, отмечала, что «арбитражным судьям также значительно проще и легче рассматривать дела с профессиональными юристами-представителями сторон, поскольку это обстоятельство позволяет им даже общаться на профессиональном языке, и судье не приходится разъяснять сторонам положения и термины материального законодательства, чтобы иметь возможность разобраться с их правовой позицией, требованиями, возражениями» [11, с. 38].

Вместе с тем, полагаем, что эти же рассуждения в полной мере применимы и к гражданскому судопроизводству. Наличие в процессе профессионального судебного представителя, способного четко и последовательно объяснить суду существо заявленных требований и возражений, своевременно представить необходимые доказательства, процессуальные документы, заявить ходатайства, позволяет существенно ускорить судебное разбирательство, сократить необходимое суду время для выяснения ситуации и поиска применимых к конкретному спору положений законодательства, разъяснений судов высших инстанций.

С учетом изложенного, считаем, что необходимым элементом эффективного и надлежащего функционирования судебной системы в России является развитый институт профессионального судебного представительства.

Установленная ч. 1 ст. 48 Конституции РФ гарантия прав граждан на квалифицированную юридическую помощь заключается в существовании

профессионального судебного представительства и вытекающей из этого недопустимости участия в процессе представителя – не профессионала.

Квалифицированная юридическая помощь должна гарантироваться каждому заинтересованному лицу. При этом о такой заинтересованности свидетельствует сам факт обращения человека к третьему лицу с просьбой представлять его интересы в суде.

Ввиду того, что заинтересованное лицо не всегда в состоянии самостоятельно оценить наличие у его представителя должной квалификации, соответствующая задача возложена на государство, которое с этой целью устанавливает определенные профессиональные требования к судебным представителям, при несоответствии которым лицо не может быть допущено к осуществлению деятельности по судебному представительству.

Обеспечение квалифицированной юридической помощи лицам, участвующим в деле, является неотъемлемым элементом обеспечения равенства и состязательности сторон в процессе.

Помимо этого, профессиональный судебный представитель может повысить эффективность судебного процесса, оказать содействие суду при разрешении спора, ускорить рассмотрение дела и повысить качество и мотивированность принимаемых решений.

Приведенные доводы противников профессионального судебного представительства о незаконности ограничения договорного представительства, осложнения доступа к судебной защите и отсутствии его необходимости ввиду активной роли суда, по нашему мнению, являются несостоятельными и не опровергают указанной выше позиции.

Список использованных источников

1. Актуальные проблемы гражданского и административного судопроизводства / Абушенко Д.Б., Брановицкий К.Л., Загайнова С.К. и др./ Под ред. В.В. Яркова. М.: Статут, 2021 // СПС «КонсультантПлюс».

2. Бугаренко А.И. Теория, правовые аспекты и практика оказания гражданам бесплатной юридической помощи адвокатами: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.

3. Васьковский Е.В. Курс гражданского процесса: субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. М.: Статут. 2016.
4. Гаврилов С.Н. Процессная модель качества квалифицированной юридической помощи в контексте цифровой трансформации адвокатуры // Адвокатская практика. 2020. N 6.
5. Зайков Д.Е. Профессиональное судебное представительство: проблемы практики применения // Право в Вооруженных Силах. 2020. N 5.
6. Закомолдин А.В. Квалифицированная юридическая помощь в уголовном процессе России: понятие, содержание, гарантии: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2007.
7. Казакова С.П., Кухарева О.А., Юсупова А.Н. Профессиональное представительство как ограничение права юридического лица (корпорации) на судебную защиту // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. N 3.
8. Кухарева О.А., Семикина С.А., Казакова С.П. Профессиональное представительство в гражданском и арбитражном процессе и его роль в повышении уровня правовой культуры // Правовая культура. 2020. N 1 (40).
9. Коллективное правовое заключение на законопроект Верховного Суда Российской Федерации о внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации и Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации (Постановление Верховного Суда РФ от 3 октября 2017 г. N 30) // Вестник гражданского процесса. № 1. 2018. Том 8.
10. Поташник И.М. Адвокатура и квалифицированная юридическая помощь // Право и государство: теория и практика. 2013. N 8.
11. Прокудина Л.А. Профессионализация арбитражного процесса (вопросы представительства) // Арбитражный и гражданский процесс. 2010. N 3. С. 38.
12. Рекомендации специального заседания Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека по теме "Обеспечение прав человека при совершенствовании процессуального законодательства", 26 февраля 2018 г. // URL: <http://president-sovet.ru/presscenter/news/read/4577/>.
13. Решетникова И.В. Профессиональное представительство в российских судах: практика применения // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. N 11.

14. Романов А.А., Хан А.А. В продолжение дискуссии о необходимости профессионального судебного представительства в российском цивилистическом процессе // Российский судья. 2021. N 5.

15. Соловьев А.А. Высшее юридическое образование как обязательное квалификационное требование к судебным представителям // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2015. N 3.

16. Фомина О.Ю. Профессиональное представительство: доводы за и против // Актуальные проблемы российского права. 2019. N 2.

17. Проект Федерального закона № 383208-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/383208-7> (дата обращения: 05.01.2023 г.).

18. Проект Федерального закона № 273154-7 «Об осуществлении представительства сторон в судах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/273154-7> (дата обращения: 05.01.2023 г.).

19. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 N 312 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Юстиция» // Собрание законодательства РФ. 2014. N 18 (часть II). Ст. 2158.

20. Постановление Конституционного Суда РФ от 28.01.1997 N 2-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 47 Уголовно - процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан Б.В. Антипова, Р.Л. Гитиса и С.В. Абрамова» // СПС «КонсультантПлюс».

21. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2004 N 15-П «По делу о проверке конституционности части 5 статьи 59 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Государственного Собрания - Курултая Республики Башкортостан, Губернатора Ярославской области, Арбитражного суда Красноярского края, жалобами ряда организаций и граждан» // СПС «КонсультантПлюс».

22. Рекомендации специального заседания Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека по теме "Обеспечение прав человека при совершенствовании процессуального законодательства", 26 февраля 2018 г. // URL: <http://president-sovet.ru/presscenter/news/read/4577/>

23. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2020 N 37-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 59, части 4 статьи 61 и части 4 статьи 63 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Александра» и гражданина К.В. Бударина» // СПС «КонсультантПлюс».